

Но даже так мне пришлось медленно, шаг за шагом, взять кисть и по памяти, смесью пиньиня и английского, выписывать на бумагу все путанные вопросы — слово за словом, чтобы прояснить мысли. Эта привычка осталась со времён подготовки к экзаменам в прошлой жизни. После того как я стала принцессой, мне уже давно не приходилось так усердно сидеть и разбирать проблемы, как раньше. К счастью, навык анализа ещё не совсем забылся.

Выписав все вопросы, я обвела тот, на который нужно было ответить в первую очередь, затем из них — самый первоочерёдный, и так далее, пока не остался лишь один: почему моя А-Хуань?

Почему именно моя А-Хуань?

Я не верила ни единому слову из объяснений Цуй Мин-дэ. Для отца их было достаточно, но матери — никогда. А в выборе супруги наследного принца мнение матери было решающим.

Я снова и снова перебирала в памяти каждое слово, сказанное Цуй Мин-дэ днём, все достоинства и недостатки А-Хуань, каждую прежнюю оценку, которую давала ей мать.

Поначалу мать определённо не рассматривала А-Хуань как кандидата, иначе не стала бы говорить мне тех слов. Пусть Ли Жуй, наследный принц, и был молод и слаб, будущая «супруга наследного принца» всё равно стояла выше принцессы. Мать не могла этого не понимать. Если бы она хотела сделать А-Хуань супругой, то не стала бы так открыто и исподволь наставлять меня и настраивать против своей избранницы.

Так когда же мать решила выбрать её?

А-Хуань не любила говорить о семейных делах, и я никогда не выпрашивала. Поэтому о наградах Вэй Сюаньчжэня и клана Цуй я узнала лишь спустя несколько месяцев. До того я считала, что её семья бедна, и часто — явно или тайно — старалась ей помочь. Даже узнав о наградах, я не придавала этому особого значения — разница между почётным чином пятого ранга и принцессой первого ранга была... небесной.

Но, подумав, я поняла: пятый ранг — это очень тонкая грань.

Ежедневные аудиенции начинались с пятого ранга. Хотя Вэй Сюаньчжэнь получил лишь почётный титул, с таким рангом и происхождением из клана Вэй из Цзинчжао, он вполне мог претендовать на реальную должность пятого ранга и право участвовать в аудиенциях. Для его возраста это было хоть и не блестяще, но и не позорно.

К тому же сегодня мать упомянула, что Вэй Сюаньчжэня назначили чжанши в Юйчжоу. Юйчжоу — важный округ, а чжанши с пятого ранга — хорошая должность. Если проявит себя, то через два-три года может стать бицзе или цыши. А если повезёт, то и за год. Учитывая, что Вэй Сюаньчжэнь годами ждал назначения и не мог получить даже место седьмого ранга, я не верю, что эту должность в важном округе он добыл сам. И тут я, кажется, нашла главную причину выбора матери: отец и братья А-Хуань были малоспособны и занимали невысокие посты. Даже выйдя замуж за Ли Жуй, она лишь обременит его. Даже став императрицей, вряд ли сможет обуздать знатных наложниц в задних покоях. В конечном счёте, её взлёт и падение всецело зависели бы от матери. И хотя её семья в упадке, формально она всё же дочь клана Вэй из Цзинчжао, а «мать» — из клана Цуй из Цинхэ, одного из Пяти знатных семейств, который даже отверг брачное предложение от прежнего наследного принца.

Самое замечательное: А-Хуань даже с этими малоспособными, незнатными родственниками не ладила. Даже если бы Ли Жуй захотел возвысить свою тещу, А-Хуань вряд ли бы позволила.

Конечно, у А-Хуань были и достоинства. Хотя её литературный талант и ум уступали Цуй Мин-дэ, среди девушек из знатных семей она была выше среднего. За два года во дворце, кроме мелких происшествий, серьёзных промахов не совершала. Управляя моими финансами и людьми, всё делала чётко и ясно. Получи она больше опыта, лет через двадцать-тридцать из неё вышла бы прекрасная помощница.

К тому же А-Хуань, хоть и была смуглее, чем принято у красавиц, лицо имела очень милое. С детства занималась верховой ездой и стрельбой, была крепкого сложения — хорошая наследница. При этой мысли сердце моё сжалось, и я сделала несколько больших глотков чая, чтобы заглушить боль, а потом снова стала перебирать достоинства моей А-Хуань. Мать, хоть и властна, но Ли Жуй — её младший сын, и при выборе невесты она не могла совсем не считаться с ним. А моя А-Хуань — знатного, хоть и пустого, рода, миловидна, способна, годится для продолжения рода, с Ли Жуй ладит...

Я вдруг сжала чашку.

Ли Жуй.

Если это он сам попросил мать об А-Хуань, тогда всё встаёт на свои места. Ли Жуй говорил, что ему приглянулась моя Чуэр, но если так, почему он никогда о ней не спрашивал, а всегда интересовался А-Хуань? Если ему и вправду нужна была лишь простая служанка, к чему было скрывать?

Ли Жуй.

В детстве, когда отец был ближе к Ли Жуй, я не роптала — я знала, что попала в древний мир, где мужчина выше женщины. Потом, когда отец с матерью больше занимались воспитанием Ли Жуй, а меня лишь баловали и не принуждали к учёбе, я тоже не роптала — я и сама была ленива и не хотела корпеть над книгами. Позже, когда Ли Жуй выехал из дворца, завёл свой дом и предавался утехам, а я могла лишь украдкой видеться с любимой под родительским присмотром, тревожась о нашем туманном будущем, — я и тогда не роптала. Я знала, что мать — знаменитая императрица Цзэтянь, и быть её дочерью куда счастливее, чем сыном.

Но сейчас я почти не могла сдержать ненависти к Ли Жуй. Я ненавидела его за то, что он мужчина. За то, что он наследный принц. За то, что он, будучи мне родным братом, мог спокойно ухаживать за моей возлюбленной. А родители, узнав об этом, не только не осудят его, но и отдадут мою А-Хуань за него. А-Хуань была моей! Я встретила её первой! Но первой с ней сблизился именно Ли Жуй.

Я вспомнила день, когда А-Хуань впервые надела костюм ху. Она была так прекрасна, что я забыла обо всём. Когда она ехала в Жучжоу, то специально надела яркий костюм ху, сказав, что не взяла с собой одежду для верховой езды. Она уже была знакома с Ли Жуй, но притворилась, будто они не знакомы. По дороге в Лочжоу Ли Жуй разговаривал с ней, но, едва я появилась, бесцельно ушёл. Они уже встречались тайно. Неужели об этом знал весь дворец, кроме меня? Оттого Цуй Мин-дэ была так уверена? Они уже были вместе, скрывая это лишь от меня.

Но первой её встретила я.

Но почему моя А-Хуань вдруг... стала чужой?

Я в ярости схватила чашку и швырнула её в окно.

Бледно-голубая дворцовая фарфоровая чаша описала в сумраке ночи красивую дугу, ударилась о массивную раму и разбилась на полу — раздался пронзительный звон. За дверью служанка тихо окликнула: «Принцесса?» — и хотела войти, но я резко крикнула: «Вон!»

Она испуганно взглянула на меня и поспешно ретировалась. Через мгновение у двери послышался голос Сун Фою: «Эрнян?»

Я распахнула дверь. Гнев пылал в груди, губы дрожали, и с нескольких попыток мне удалось выговорить: «Кто ещё слово проронит — того выволокут и заколотят насмерть!»

Я видела, как ужас исказил лица служанок — они побелели, как призраки, что вполне подходило к этой ночи. Сун Фою ничего не сказала, лишь махнула рукавом, и те, облегчённо вздохнув, поползли прочь. Я устояла на Сун Фою, ожидая, что она заговорит. Если посмеет уговаривать — прикажу выволочь и дать двадцать... нет, десять ударов. Чтобы все в чертоге наконец поняли, кто здесь хозяин, и больше никто не смел меня обманывать.

Но Сун Фою не стала говорить. Она лишь пристально посмотрела на меня, молча вошла, собрала осколки, вышла и вскоре вернулась с новой чашкой чая — такой же бледно-голубой, с любимым моим чаем, заваренным из листьев, а не толчёным, и с тарелкой четырёх сладостей. Непонятно, что за пирожные, белые, мягкие, от них ещё исходил сладкий пар.

Поставив чай и сладости, она вышла и быстро растворилась в ночи.

<http://bllate.org/book/16278/1466791>